

ВОЕНВРАЧ: СТАЛИНГРАД

СМОЛИН ПАВЕЛ

Павел Смолин

Военврач: Сталинград

«Автор»

2026

Смолин П.

Военврач: Сталинград / П. Смолин — «Автор», 2026

Вчера Михаил Ракитин работал травматологом в современной больнице. Сегодня он приходит в себя среди развалин Сталинграда — в теле молодого военврача. На дворе 1942 год. Вместо оборудованной операционной — тесный подвал. Вместо привычных обследований — глаза, руки и опыт. Раненых приносят быстрее, чем успевают уносить, перевязочный материал заканчивается, а дорогу к переправе снова накрывает огнём. Чтобы спасти людей, мало уметь оперировать. Нужно добывать имущество, беречь носильщиков, договариваться с командирами и собрать команду, которой можно доверить чужую жизнь. А когда немец оказывается у входа, приходится браться за пистолет. Здесь доверие зарабатывают делом. И каждый человек, которого удалось передать живым, стоит всей прожитой смены.

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Павел Смолин

Военврач: Сталинград

Глава 1

— Михаил Андреевич, отпустите.

Я не отпускал.

Под ладонью было мокро и горячо. Кто-то лежал совсем близко, прижимаясь щекой к земле. Его ухо, белёсое от пыли, вздрагивало при каждом выдохе.

— Руку отпустите, — повторил голос. — Вы ему рукав держите. Больше ничего.

Я посмотрел вниз.

Пальцы сжимали обрывок плотной ткани. Ниже темнела кровь. Собственная кисть казалась слишком узкой, костяшки — чужими. На месте старого ожога у основания большого пальца была гладкая кожа.

В ушах стоял тонкий непрерывный звон. За ним двигались люди, открывали рты, что-то роняли. Потом звук вернулся разом: кашель, стук железа, чья-то ругань, далёкий тяжёлый грохот.

— Слышите меня?

Рядом присел худой мужчина в очках. Одна дужка была обмотана ниткой. Из рассечённой брови текло к переносице, и он стирал кровь плечом, потому что обе руки были заняты.

— Слышу.

Голос вышел незнакомый. Выше моего.

— Голова кружится?

— Потом.

Я разжал пальцы и увидел лежащего целиком. Молодой, стриженный почти наголо. Оторванный рукав, разрезанная до подмышки гимнастёрка. Мужчина в очках прижимал к его плечу толстый перевязочный пакет.

— Держите здесь, — сказал он.

Я принял давление. Кровь уже не растекалась быстро, но между складками материала выступало новое тёмное пятно.

— Давно?

— Что давно?

— Ранен.

Очкастый посмотрел на меня поверх оправы.

— Вы его и принимали.

Ответить было нечего.

Я проверил, как лежит повязка, нащупал запястье здоровой руки. Пульс частый, слабый. Боец открыл глаза.

— Воду можно?

— Губы смочим. Как зовут?

— Сергей.

— Сергей, на меня посмотри.

Он смотрел осмысленно, только всё время пытался повернуть голову к плечу. Я велел ему лежать спокойно. Мужчина в очках подал ещё материал, и мы закрепили повязку. Пальцы работали. Чуть иначе брали, чуть не там ожидали сопротивления, но работали.

Меня затошнило, когда я выпрямился.

В нескольких шагах от нас стояла половина стены. Верхней половины не было. Из обломков торчала дверная коробка; на уцелевшем крюке висела фуражка, густо присыпанная белой пылью. В помещении за стеной горела доска. Пламя облизывало её снизу, тихое, почти домашнее.

Под уцелевшим навесом на шинелях и носилках лежали люди. Один сидел у столба, поддерживая перевязанную кисть другой рукой.

Последнее, что я помнил, было жёлтым светом над столом. Я наклонялся, чтобы расслышать анестезиолога. За дверью просили свободного санитаря. А потом — этот двор.

— Михаил Андреевич.

Мужчина в очках ждал, держа ножницы кольцами ко мне.

— Машина есть? — спросил я.

— Ещё не подошла.

Он произнёс это так, будто мы обсуждали машину уже несколько раз.

Я взял ножницы. На внутренней стороне запястья под манжетой белела тонкая полоска старого шрама. Не моего.

— А старший где?

Очкастый оглянулся к разваленному помещению.

— Ищут.

* * *

Встать сразу не получилось. Я опёрся о столб, переждал, пока двор перестанет заваливаться вправо.

На груди висела кожаная сумка. Ворот гимнастёрки натирал шею. Под одеждой билось молодое сердце, слишком быстрое для спокойной работы, но вполне исправное. Я провёл ладонью по щеке. Щетина, пыль, неглубокая ссадина.

Я помнил квартиру, голос заведующего, пароль от рабочего компьютера. Но в больнице, где прошли последние десять лет моей жизни, такого двора не было.

— Сядьте хоть на минуту, — предложил очкастый.

В памяти шевельнулось имя.

Бекетов.

Не воспоминание о знакомстве, не лицо за обеденным столом. Просто уверенность, такая же обыденная, как знание, в каком кармане лежит ключ.

— Николай...

— Савельевич, — подсказал он после короткой паузы.

— Николай Савельевич, что с этими?

Я указал на людей под навесом.

Бекетов перечислил ранения. Трое из ходячих могли помогать, один — только сидеть. Человека с подозрением на повреждение живота приготовили к отправке.

У крайнего столба лежал боец в расстёгнутой гимнастёрке. Повязка на левом боку почти сухая. На вид — из тех, кого отложили ненадолго. Но смотрел он на нас, вытянув шею, и при каждом вдохе чуть приоткрывал рот.

— Этот?

— Осколочное в грудь. Перевязан. Был вполне разговорчивый.

Я подошёл и присел рядом.

— Как дышится?

— Нормально.

Боец ответил не сразу. Между словами сделал лишний вдох.

— Зовут как?

— Гущин.

— Лежать удобно?

— Тут... подложить бы.

Он попытался приподняться на локте. Я помог ему занять положение, в котором стало немного легче, и расстегнул ворот. Губы были бледные, у рта проступал серый оттенок. Кожа холодная, липкая.

— Раньше так же дышал? — спросил я Бекетова.

— Нет. Шутил ещё.

Я приложил ладонь к груди, попросил глубоко вдохнуть. Слева движение заметно отставало. Под пальцами возле края повязки похрустывало, будто в ткань набилась мелкая сухая крупа.

— Стетоскоп.

Бекетов подал трубку с металлическим наконечником и потёртыми ушными оливами. Я привычно искал другую форму и потерял на этом секунду.

Вокруг гремело. Я наклонился ближе, заслонил ухо плечом и послушал ещё раз.

Гущин дышал чаще.

— Его первым, — сказал я.

— Первым у нас живот.

— Теперь этот тоже первым. Состояние меняется.

— После разрыва все меняются.

Бекетов стоял рядом, не споря голосом, но не двигаясь с места.

— Был разговорчивый, теперь едва отвечает. Холодный пот. Слева почти не слышно дыхания. Он не просто испугался.

Фельдшер присел с другой стороны, взял запястье. Затем посмотрел на лицо Гущина и убрал с него кусок шинели, прикрывавший плечи.

— Пульс хуже, — признал он.

Я кивнул.

— Нужен набор. И кислород.

Бекетов поднял на меня глаза.

Я тоже поднял. Посмотрел на двор, на горевшую доску, на его разбитые очки.

— Что есть для срочной помощи грудным?

— Укладка у Анны Ефимовны. Если достала.

— Позовите. Быстро.

Он поднялся без новых возражений.

Гущин вцепился мне в рукав.

— Я ведь сам дошёл.

— Знаю. Теперь полежишь.

Мне хотелось услышать цифры. Давление, насыщение крови кислородом, хотя бы увидеть привычный экран. Вместо экрана было молодое мокрое лицо. Вместо сигнала монитора — дыхание, которое становилось всё мельче.

Это тоже были сведения. Ничуть не менее настоящие.

Подошла женщина с металлической коробкой. Невысокая, с серой прядью, выбившейся из-под косынки. Рукав у неё был разорван, на предплечье темнела широкая ссадина. Она поставила коробку на перевёрнутый ящик.

— Чистое здесь, — сказала она. — Снаружи не лапайте.

Я объяснил: в плевральной полости, похоже, скапливается воздух, лёгкое сдавлено. Нужно срочно уменьшить давление. Анна Ефимовна открыла набор, Бекетов помог обнажить грудь.

— Вы только что сами сказали, что он может ждать, — заметила женщина.

— Теперь не может.

Она посмотрела на Гущина и больше вопросов не задала.

Мы работали за спинами людей, загородивших нас от пыли хотя бы собственными телами. Я слышал, как Бекетов отвечает кому-то: «Сейчас занят». Потом уже грубее: «Не видишь, что ли?»

Чужая кисть перестала мешать. Я перестал думать о ней, когда понадобилось точное движение.

После пункции Гушин смог вдохнуть глубже. Здоровым это его не сделало. Он оставался тяжёлым, требовал дальнейшего лечения, и времени мы выиграли немного. Пальцы на моём рукаве разжались. Лицо всё ещё было серым, однако он уже мог выговорить несколько слов подряд.

— Полегче?

Гушин кивнул.

— Не разговаривай тогда. Побереги.

Бекетов проверил пульс и задержал пальцы дольше необходимого. Потом посмотрел на меня.

— Отправлять немедленно.

— Да. И передать, что именно было сделано. Не просто бумагу сунуть.

Женщина уже делала запись коротким огрызком карандаша.

— Сама знаю, — сказала она.

Я хотел ответить, что не сомневаюсь, но это было бы враньём. Я вообще ещё не знал, кто она.

* * *

У разваленной стены кто-то свистнул.

Не громко, без надрыва. Двое под навесом сразу подняли головы.

— Доктор. Сюда.

Меня звал широкий мужчина с распахнутым воротом. Пыль лежала у него в складках шеи, одна щека была исцарапана. Вместе с рыжим бойцом он приподнимал край дверного полотна.

Под дверью лежал человек в белом халате. На белом особенно хорошо было видно кровь.

Я шагнул вперёд, но широкий придержал меня за локоть.

— Тут не наступайте. Балка гуляет.

Нога уже шла именно туда.

Я поставил её на указанный кирпич и опустился рядом с раненым.

Лицо было знакомым.

В памяти возникла рука, поправляющая мне карандаш в нагрудном кармане. Голос: «Вы раньше думайте, Ракитин. До того, как больного на стол положили».

И больше ничего.

Человек смотрел ясно, хотя боль уже подбиралась к нему всерьёз. Нога ниже колена лежала не так, как должна. Из-под халата тянулось тёмное пятно. Широкий мужчина удерживал наложенную на бедро повязку.

— Плечо тоже задело, — сказал раненый.

— Николая Савельевича сюда.

— Уже идёт.

Я осмотрел ногу, проверил, что успели сделать до меня. Опаснее всего сейчас была потеря крови. Бекетов понял это без слов, опустился напротив. Женщина с седой прядью принесла оставшееся необходимое.

Раненый посмотрел на меня.

— Сами целы?

— Да.

— Задумчивый у вас вид.

— Работаю.

— Вот и работайте.

Ему ввели обезболивающее. Мы укрепили повязку и подготовили повреждённую ногу к переносу. Пока Бекетов занимался плечом, я проверил живот и грудь. Новых явных неприятностей не нашёл, но это ещё ничего не гарантировало.

— На носилки, — сказал я. — Осторожно, без поворота. Вот отсюда подхватить...

— Не выйдет.

Широкий мужчина стоял передо мной на корточках и смотрел на дверной проём.

— Выйдет, если подвести с этой стороны.

— А дальше куда я задним концом денусь?

Я раздражённо показал рукой.

Он не посмотрел на руку.

— У вас там стена. И носилки шире.

Я оглянулся. Стена действительно была. Половины помещения уже не существовало, и мозг упрямо дорисовывал свободное пространство там, где оставался простенок.

— Сначала вынесем на двери, — сказал мужчина. — До чистого места. Там переложим. Здесь вы его два раза согнёте.

Я оценил полотно. Петли вырваны, одна доска треснула, но середина целая.

— Под ногу нужна опора. Она не должна провиснуть и съехать.

— Это сделаем. Вы мне скажите, как ему нельзя. Как можно — я сам придумаю.

Рыжий боец уже подкладывал под дверь короткую доску. Широкий снял ремень, пропустил его вокруг опоры, подтянул. Попробовал рукой.

— Теперь хватит. Только не за угол. За поперечину.

Он распределил людей, заставил меня переставить ладонь и посчитал до трёх.

Мы подняли дверь.

Вес лёг не туда, куда я ожидал. Правое запястье резко потянуло вниз, но широкий успел подхватить край.

— Ногами работайте, доктор. Спина одна.

Я едва не ответил, что знаю. Потом передвинул ноги.

Из развалин выбрались без нового обрушения. На ровном участке переложили раненого. Его лицо стало бледнее, но он продолжал отвечать на вопросы.

Широкого звали Пётр. В памяти возникла и фамилия: Лаптев.

Он проверил, не цепляется ли край шинели за ручку носилок, и распрямился.

Из-за навеса донеслось:

— Эй, врачи! Этот опять!

Я вернулся к Гущину.

Он был в сознании. Просто испугался нового приступа боли. Я проверил его, велел не оставлять одного, посмотрел на записку, закреплённую на одежде. Фамилия, характер ранения, время помощи. Почерк женщины был мелким и жёстким.

Рядом с моей рукой на земле лежал её карандаш. Я поднял и положил на ящик параллельно краю коробки.

Бекетов посмотрел на карандаш, потом на меня.

— Внутрь больше не ходите, — сказал он. — Ни за чем.

За стеной что-то осело. Из окна высыпалась узкая струя кирпичной крошки.

— Там люди остались?

— Проверили. Живых нет. И мёртвых двое. До них сейчас не добраться.

Он произнёс это спокойно, без просьбы разрешить невозможное.

Я кивнул.

* * *

За навесом стояло ведро. Я смыл с рук кровь и наклонился к воде. Из ведра смотрел молодой мужчина с узким лицом и ссадиной на лбу. Он повторял мои движения.

Я расстегнул сумку на груди. Среди бумаг нашёл документ в потёртой клеёнке. С фотографии смотрел тот же человек, только причёсанный и очень серьёзный.

Михаил Андреевич Ракитин.

Двадцать семь лет.

Мне был сорок один. Я работал травматологом-ортопедом и помнил свою жизнь достаточно хорошо, чтобы не принять эту разницу за опisku.

Под обложкой лежал листок с перечнем имущества. Дата — август 1942 года. Я прочитал её дважды. Совпадение имени почему-то оказалось хуже всего. Будто происходящее заранее избавили от одной мелкой неудобной подробности.

Из-за угла появился Лаптев.

— А я вас ищу.

Я убрал документ слишком быстро.

Он заметил. Но сказал о другом:

— Ремень мой где?

— На двери.

— Уже не на двери. Под старшим лежит. Поднимать, что ли, его из-за ремня?

— Нет.

— Вот и я думаю. А держать штаны вы мне будете?

Я посмотрел на него.

Лаптев стоял, уперев кулаки в бока. Штаны держались вполне надёжно. Он проследил за моим взглядом.

— Пока держатся. Имущество это личное.

— Вернём при перекладке.

— Вы запомните.

Он ушёл и тут же крикнул кому-то за навесом:

— Не бери за хлястик, оторвёшь! Я кому говорю?

Я ещё раз плеснул водой на лицо.

Снаружи грохотало чаще. Над стеной, где прежде была крыша, медленно двигался чёрный дым. Солнца я не видел. Нельзя было понять даже, утро сейчас или день.

Я прижал дрожащие ладони к коленям и переждал. Со двора требовали воды. Кто-то опять звал Бекетова.

Я поднялся.

Если это было безумие, у него имелись раненные.

* * *

— Вы считали, сколько здесь людей? — спросил я.

Бекетов сидел на корточках возле бойца с повреждённой голенью. Очки сползли на кончик носа.

— До разрыва или сейчас?

— Сейчас.

— Ещё не всех собрали.

— Тогда начнём.

Я присел рядом, придержал ногу, пока он закончил крепить шину. Самодельная вставка из узкой дощечки лежала ровно и не давила на выступавшую кость. Я бы поставил иначе. Потрогал, проверил и оставил.

— Давно мы здесь? — спросил я.

Фельдшер перестал подтягивать тесьму.

— Вторые сутки.

— А в городе?

Он повернулся ко мне совсем.

— Михаил Андреевич, какое сегодня число?

Я назвал месяц и год с листка.

— А где мы?

За навесом закричали, требуя не загоразивать проход. Лаптев ответил таким словом, что раненый у нас под руками слабо улыбнулся.

— В Сталинграде? — сказал я.

Слово прозвучало как осторожная попытка угадать.

— На северной окраине, — уточнил Бекетов и снял очки.

Теперь у него было усталое, злое лицо. Не на меня — скорее на всё сразу, но мне досталась ближайшая часть.

— После разрыва память путается?

— Местами.

Это было правдой.

— Тошнит?

— Уже меньше.

Он велел посмотреть на него, проследить глазами за пальцем, поочерёдно сжать его ладони. Я подчинился. Для полноценного осмотра ни условий, ни времени не было. Но фельдшер делал то, что мог, и не собирался принимать моё «потом» бесконечно.

— Если хуже станет, говорите сразу. Не когда упадёте.

— Хорошо.

— Не знаю, кому тогда всё это...

Он не договорил.

Я посмотрел на старшего врача, лежавшего чуть дальше. Тот закрыл глаза, но на обращение откликнулся сразу. Бекетов подошёл к нему, обменялся несколькими фразами и вернулся.

— Вас велел слушать.

— Машина заберёт его, — сказал Бекетов. — Вы останетесь.

Вопросы о должности, части и начальстве выстроились в голове длинной очередью. Ни один не помогал сейчас перенести человека.

— Николай Савельевич, скажите сначала, что осталось из имущества. И кто может работать.

Он надел очки.

— Из нашего или вообще?

— Из того, до чего можем добраться.

Такой вопрос ему понравился больше.

Мы прошли под навесом. Тяжёлые отдельно, ходячие отдельно; помощники, свободные руки, один человек, которого сначала сочли помощником, а потом обнаружили кровь под воротом. Я осмотрел его тут же. Неглубоко, но работать носильщиком сегодня ему не стоило.

Бекетов записывал фамилии на обороте ведомости. Иногда поправлял меня. Я принимал поправки, хотя дважды хотелось поторопить его.

У входа в разрушенное помещение снова затрещало. Сначала негромко, как ломается сухая ветка. Потом вниз сошёл целый пласт штукатурки, и один из стоявших поблизости отпрыгнул, прикрывая голову.

Женщина с седой прядью вышла из-за навеса с закрытой укладкой.

— Остальное под стеной, — сказала она. — Я туда больше не полезу.

— И правильно, — ответил я.

Она указала на ящик у дальнего столба. Мы донесли укладку вместе.

Бекетов назвал её Анной Ефимовной. Я повторил имя про себя, связывая с лицом, голосом, серой прядью.

Из-под навеса донёлся стон. Я подошёл к Гущину, снова послушал его. Пока держался.

У старшего врача повязка оставалась сухой снаружи. Он попросил пить. Я смочил ему губы и получил короткий благодарный кивок.

— Машина? — спросил он.

— Ждём.

Он открыл глаза и посмотрел через моё плечо на двор.

— Здесь не ждите. Крыша...

Я проследил за его взглядом. Ближний край крыши уже просел. Лаптев стоял у столба и разглядывал соединение балок.

Вдруг стало очень тихо.

На самом деле стрельба не прекратилась. Просто я увидел, как столб медленно сдвигается в сторону, и перестал слышать остальное.

— От стены! — крикнул я.

Лаптев уже двигался.

Мы успели вытащить ближние носилки. Край навеса рухнул не сразу: сначала сползла кровля, потом хрустнула перекладина. Пыль ударила нам в спины. Кто-то выругался и закашлялся.

Я оглянулся, считая людей.

Бекетов показал поднятую ладонь. У него все.

На открытом месте раненые лежали тесно, почти касаясь друг друга. Над ними медленно оседала пыль. В развалинах трещало дерево.

— Ну? — спросил Лаптев.

Он обращался ко мне.

Я посмотрел на ворота. За ними виднелась пустая полоска дороги. Ни машины, ни связного.

— Уносим отсюда, — сказал я.

— Куда?

Ответа у меня ещё не было.

Глава 2

— Для начала за угол, — сказал Лаптев. — А то нас тут хорошо видно.

Он показывал на глухую стену поперёк двора. Между ней и низким кирпичным сараем оставалась полоса тени. Туда уже полз боец с перевязанной кистью, не дожидаясь решения врачей.

— Там не выход, — возразил я.

— Так и здесь не курорт. До машины полежать хватит.

Я посмотрел на просевший навес. К дальнему концу всё ещё можно было подойти, но у стены дымилось. Надёжного места для раненых во дворе больше не оставалось.

— Хорошо. Тяжёлых сначала. Гущина так, как лежит. Не укладывать ровно.

— Понял.

Лаптев махнул рыжему, указал ещё на двоих. Не объяснял каждому заново, просто назвал, кто с кем берёт. Меня он обошёл.

— Я помогу.

— Поможете. Только сперва решите, кого после него.

Это прозвучало неприятно разумно.

Я остался у носилок и начал считать.

Девять лежачих, включая старшего врача. Шестеро могли двигаться сами, двоим требовалась помощь. Ещё трое пришли с ранеными. Бекетов собрал их, одного — бойца по фамилии Дёмин — пришлось отыскать возле ворот.

Я расписал три пары: две переносят людей, третья имущество. Бекетов выслушал и указал на бойца у стены.

— Он после выноса с ног валится. Вы его за здорового посчитали, потому что крови не видно. И у того рука ранена. Третьей пары нет.

Боец опирался о стену, делая вид, что просто так удобнее. Я велел ему сесть. Он подчинился без спора.

— Тогда имущество пока остаётся, — сказал я.

— Часть имущества идёт с первыми. Иначе на новом месте только руками разводить.

Я почувствовал злость на собственную схему и на фельдшера, который смотрел поверх очков. Но он был прав.

— Показывайте, — сказал я.

* * *

Они с Зориной собрали самое нужное ещё до моего распоряжения.

Две укладки, коробка с инструментами, несколько свёртков перевязочного материала. Маленький запас лекарств. Сумка с бумагами. Связка шин. Всё стояло у стены, накрытое брезентом, на котором лежал кирпич.

Неподалёку оставались тюки, большой эмалированный таз, свёрнутый матрас, куски разобранного стола и железный ящик с повреждённым замком.

— Это всё? — спросил я.

— Что уцелело и достали, — ответила Зорина.

Она сидела на корточках возле коробки и осматривала инструмент, вынутый после падения. Отложила один зажим, потом вернула его, проверив замок ещё раз.

— Запас чистого где?

— В укладке.

— Сколько?

Она назвала количество.

Я автоматически пересчитал на вероятный поток. Получилось плохо.

— Здесь ещё бельё было.

— Под крышей осталось.

Мы одновременно посмотрели на обрушившуюся часть навеса. Между досками виднелся угол светлой ткани. Чтобы добраться, следовало встать под перекошенную балку и вытянуть из-под неё ящик.

Я отвернулся первым.

— Это оставляем.

Зорина продолжила проверять инструменты.

— А стерилизовать чем? — спросил я.

Бекетов указал на железный ящик. Я попробовал поднять: тяжёлый. Но нужный. Как и всё остальное.

— Одежда на лежачих, — сказала Зорина. — Сколько укроем, столько унесём. Матрас пока оставляем. Он сырой ещё.

Я представил, как двое тащат эту неповоротливую тяжесть, а Гушин лежит на земле и ждёт.

— Оставляем.

Бекетов открыл сумку с бумагами. Там были карточки, ведомости, несколько конвертов, карандаши и печать в отдельном мешочке.

— Эти со мной, — сказал он.

— Лекарства тоже пока у вас. При передаче доставайте карточки сразу. Кто отправлен — отмечать.

Бекетов показал ведомость. У фамилий уже были пометки: кто где лежит, кто на переносе.

— Продолжайте так, — сказал я.

— Постараюсь.

Вежливость у него была колючая.

Я достал из тюка одеяло и пошёл к раненым.

За стеной Лаптев уже устроил их так, чтобы между носилками можно было пройти. Гушина прикрыл от солнца куском брезента. Старший лежал ближе к выходу.

Длинный санитар с острым подбородком поправлял шинель на бойце с раненой ногой.

— Сейчас покатаем, — говорил он. — Там вас мигом. А дальше домой, мамке в огороде помогать.

— У меня жена, — ответил боец.

— Вот жене и поможешь. Чего, огорода нет?

— Есть.

— Тем более.

Он улыбался уверенно, и боец улыбался в ответ. На несколько секунд тому стало легче.

Я запомнил санитаря.

— Чурилин! — позвал Лаптев. — Ты ему ещё землю вспаши заранее. Иди сюда.

Длинный поднялся.

— Семён, — представился он мне на ходу.

Потом вспомнил, с кем разговаривает, и поправился:

— То есть я это. Чурилин.

— Понял. После переноса подойдёшь.

Он перестал улыбаться, хотя я ещё ничего не сказал.

Гушин пока держался. Лаптев предложил перенести его ближе к воротам, за простенок: оттуда носилки можно подать в кузов без лишнего поворота. Я согласился и поставил возле него ходячего бойца. Объяснил, при каких изменениях немедленно звать, попросил повторить. Тот повторил без путаницы.

* * *

Машина появилась тогда, когда я уже перестал смотреть на дорогу.

Сначала за стеной заскрежетало. Потом кто-то крикнул, что пришли наши, и в ворота медленно подался грузовик. Передняя часть была покрыта серой пылью, на крыле застряла ветка с сухими листьями. Над кабиной вздрагивал край брезента.

Шофёр остановился не сразу. Сдал назад, выпрямил машину так, чтобы при выезде не разворачиваться, и только потом заглушил двигатель. Выбрался из кабины: коротко стриженный, с тёмными ногтями, в засаленной на локтях гимнастёрке.

— Готовы? — спросил он.

— Сейчас.

— Мне «сейчас» уже на прошлом месте сказали. Четверть часа стоял.

Он оглядел носилки и укладки.

— Кочетков. Куда отдавать, знаете?

Я посмотрел на Бекетова.

— К узлу передачи, — ответил тот. — Откуда вчера принимали.

— Туда проезд сейчас через другой двор. Мне показали. Обратного сюда не обещаю.

— Нам всех вывезти нужно, — сказал я.

Кочетков посмотрел на носилки, потом на меня.

— А мне машину довести. Давайте считать.

Лаптев уже шёл к кузову.

Они быстро обменялись несколькими фразами, смысл которых сводился к длине носилок, креплениям, возможности разместить сидячих и состоянию дороги. Я потребовал оставить доступ к тяжёлым. Кочетков кивнул, но пока велел ничего внутрь не совать.

К грузовику подошли сразу пятеро. Один с раненым, другой со свёртком, ещё один просто потому, что там происходило главное. Я хотел раздать распоряжения всем разом и услышал собственный голос, тонущий в чужих.

Зорина вышла между нами с коробкой в руках.

— От борта отошли.

Никто не отошёл. Тогда она поставила коробку и сама отвела Дёмина с носилками в сторону. Ходячих отправила к стене. Одного, упирившегося, спросила:

— С братом хочешь ехать? Сейчас ему из-за тебя места нет.

Он отошёл.

— Кого первым? — спросила она меня.

— Гущина. За ним старшего. Потом живот, затем эти двое.

Я назвал фамилии. Лаптев с Кочетковым оставили в кузове проход для сопровождающего, проверили крепления и начали погрузку.

Гущин испугался, когда его подняли. Схватился за край брезента.

— Со мной кто?

— Я, — сказал Бекетов.

Я уже собирался сесть рядом с Гущиным. Следить в дороге, передать, убедиться, что приняли. Здесь оставалось гораздо больше непонятного.

— Вы здесь нужны, — сказал Бекетов. — Анна Ефимовна с вами. Я вернусь.

Я передал ему сумку с лекарствами.

* * *

Всех в машину мы не вместили.

Это выяснилось окончательно, когда Кочетков сам забрался в кузов, нагнулся над креплением и заставил переставить один из свёртков.

— Больше лежащих нельзя. Вот двоих сидя ещё возьму. И всё.

— Если здесь потеснить... — начал я.

— Тогда вашего грудного прижмёт на повороте. Я не по гладкому еду.

Я посмотрел внутрь.

Нет, он не торговался. Там действительно не оставалось места.

Взяли ещё двоих, которым ходьба давалась хуже остальных. Зорина привязала к ручке носилок свёрток с личными вещами. Остальное оставалось нам.

Кочетков подошёл ко мне.

— Вы куда пойдёте?

Бекетов уже рассказывал мне о дворе впереди, где можно укрыться и откуда начиналась дорога к передаче. Я назвал его.

— В проезде не стойте. Если смогу назад пройти, подберу. Нет — у меня другие люди.

Он проверил кузов и запустил двигатель.

Я смотрел вслед, пока грузовик не скрылся.

Вместе с ним уехала возможность ещё раз проверить собственное решение.

— Доктор, — позвал Лаптев. — Вы который конец возьмёте?

Передо мной стояли носилки. На них лежал немолодой боец с повреждением голени — тот, кому мы с Бекетовым поправляли шину.

— Этот.

— Тогда сзади. Передний я возьму. Поднимаем!

Первые двадцать шагов я нёс почти легко. Молодое тело было сухим и сильным. Под подошвами похрустывал кирпич, за спиной двигалась следующая пара, впереди Лаптев выбирал дорогу.

Через полсотни шагов потянуло предплечья. Мы остановились в тени разрушенного забора. Я разжал пальцы по одному.

— Не сжимайте, будто у вас отнять хотят, — сказал Лаптев.

На втором отрезке ладони снова стали влажными. Раненый стонал на неровностях; я пытался выровнять каждый толчок руками и уставал ещё больше.

— Ниже плечи, — бросил Лаптев, не оборачиваясь.

Я опустил плечи.

— Шаг короче. Не догоняйте меня.

Я укоротил шаг.

Лаптев снизил темп. Мы шли медленнее, но носилки перестали так раскачиваться. До следующей остановки я добрался уже без желания доказать, что вполне справляюсь.

Позади Чурилин тихо разговаривал со своим напарником. Я не слышал слов. Только видел, что они ставят ноги почти одновременно.

В командировках я помогал переносить раненых до машины, от машины. Потом возвращался к своей работе. Здесь предстояло ходить снова и снова.

Мы поставили носилки возле пролома.

— Руки живы? — спросил Лаптев.

— Живы.

— Ещё назад идти.

— Понимаю.

Он посмотрел на меня и вдруг улыбнулся. Один верхний зуб выступал вперёд, и широкое исцарапанное лицо стало моложе.

— Хорошо. А то вы вначале на три рейса всех расписали. Это до обеда или после войны?

Я выдохнул.

— Плохо расписал.

— Перепишем, — сказал Лаптев.

* * *

На временном месте я оставил Зорину с ранеными и вернулся за остальными. Она велела не хватать сверх носилок ничего тяжёлого.

В старом дворе воздух стал хуже. Пожар подобрался к перегородке; дым тянуло туда, где недавно лежали люди. Дёмин сидел рядом с последними ранеными. Я осмотрел их: переносить можно. Оставаться здесь — уже нельзя.

— Ящик берём, — сказал я.

Лаптев посмотрел на ручки носилок в моих руках.

— В третий кулак?

Я всё ещё чувствовал, что за оставленную нужную вещь придётся отвечать. Почему не обеспечил, почему не предусмотрел. Как перед больничным начальством.

Только начальства здесь не было. Были люди, которым следовало ещё раз пройти эту дорогу.

— Если сможем, вернёмся. Сейчас людей.

Лаптев кивнул. Чурилин подхватил коробку с инструментом, проверив дно. Дёмин пошёл с ходячими.

На обратном пути дважды останавливались. Раненый побледнел, пришлось осмотреть прямо на земле. Помогли, переждали и продолжили медленнее. На временном месте Зорина встретила меня взглядом, которым в больнице встречали врача, отработавшего лишние сутки.

— После него ко мне. Голову посмотрю.

Я уже не возражал.

* * *

Кочетков нашёл нас во дворе.

Я сидел на перевёрнутом ведре, пока Зорина проверяла ссадину на голове. Из кабины выбрался Бекетов. Передал ей небольшой свёрток и подошёл ко мне.

— Приняли всех. Гуцин доехал без нового ухудшения. Хирургу передал лично. Старший здесь, с ним машина дальше пойдёт. Просил, чтобы вы подошли.

Я встал слишком быстро. Двор качнулся. Зорина поймала меня за рукав, подождала и отпустила.

Кочетков подошёл от машины.

— Ящик ваш забрал. Мимо шёл, подобрали.

Из кузова выглядывал угол железного ящика.

Благодарность застряла у меня в горле: я уже спрашивал, сколько времени у нас осталось.

— Пока грузитесь, — ответил Кочетков. — Потом поехали.

Старший врач лежал в кузове у самого прохода. Глаза открыты, губы сухие. Увидев меня, он чуть приподнял пальцы.

Я забрался к нему, проверил повязку, спросил о боли. По сравнению со двором он выглядел хуже, но это могло быть и от дорожной тряски. Бекетов сообщил, что делали за время пути и что сказал принимавший хирург.

— Скоро дальше, — сказал я раненому.

— Мне объяснили.

Он посмотрел на мои руки. Я всё ещё не мог заставить пальцы лежать совершенно спокойно.

— Сами как?

— Работаю.

— Второй раз отвечаете. Я не об этом.

Я наклонился ближе.

— Память после разрыва местами... Не всё помню.

Он задержал на мне взгляд.

— Бекетов знает?

— Да.

— Ему говорите, если хуже. И не геройствуйте. У нас от этого людей больше не становится.

Затем он закрыл глаза, переждал боль и продолжил уже другим тоном:

— Слушайте внимательно. Пока меня нет, пункт на вас. Передача имущества по списку. Бекетов в курсе, что получили. Отправленные — отдельно, оставшиеся — отдельно. Не смешивайте.

Я кивнул.

— Докладывать старшему медицинскому начальнику через узел. Связь восстановят — сами доложите. Не через комбата назначаться.

— Понял.

— По месту ещё вчера говорили. В городе подвал нашли. Должен был связной проводить. Где он?

Я обернулся к Бекетову.

— Здесь, — сказал тот. — Только подошёл. Ждёт.

— Вот. Не задерживайтесь на этом дворе. Здесь только передача.

Он сглотнул. Я смочил ему губы.

— У вас Анна Ефимовна, — продолжил он. — Берегите. Сестёр с таким опытом по дороге не подберёте. И Лаптеву дайте заниматься носильщиками. Он вредный, зато понимает.

— Слышал я, — отозвался Лаптев. — Вы ремень мне перед отъездом отдайте.

Бекетов заменил ремень на опоре тесьмой. Я придерживал доску, чтобы не тревожить ногу. Лаптев немедленно надел возвращённую вещь.

— Всё у вас личное, Пётр Фомич, — сказал старший. — Даже казённое.

— Казённое я берегу. От других.

Кочетков постучал по борту.

Разговор закончился.

Мы проверили размещение. Зорина передала сопровождающему записи.

Я задержался возле старшего.

— У вас получится? — спросил он.

Я подумал, что мог бы ответить так, как ждал молодой врач, чьё лицо носил. Или пообещать всё наладить. Ни того ни другого я не знал.

— Людей соберём. Дальше будем работать.

Он кивнул.

— И спите по очереди.

Машина увезла его живым.

* * *

После отправки двор опустел. При нас оставались люди, которым требовалось короткое наблюдение. Здесь за ними могли присмотреть, пока мы искали новое место. Бекетов сверил их с ведомостью.

Связной оказался юрким бойцом с воспалённым веком. Описал дом и дорогу. Бекетов узнал место; о воде и втором выходе связной ничего не знал.

Перед нами лежало то, что удалось сохранить. Две укладки, железный ящик, коробка, свёртки, шины. Теперь это было наше хозяйство. Не больница, не оборудованный медпункт. Небольшая куча вещей, которую ещё предстояло донести и заставить работать.

— Сперва посмотрим. Николай Савельевич, остаётесь с людьми. Анна Ефимовна — с ним. Пётр Фомич, вы со мной.

— Семёна возьму, — сказал Лаптев. — Если подойдёт, за остальными сбегает.

Я кивнул.

Перед выходом я ещё раз проверил, кто остаётся с лежачими. Бекетов уже занимался ими. Зорина разбирала инструменты. Можно было идти.

* * *

Город начинался сразу за воротами, хотя мы всё время находились в городе.

До этого он состоял для меня из двора, стены, навеса. Теперь появились подъезды, выбитые окна, лестница, оборванная на середине второго этажа.

Связной шёл быстро. На первом повороте Лаптев остановил его за плечо.

— Ты носилки здесь пронесёшь?

Тот обернулся.

— Чего?

— Отсюда в подвал. Сможешь?

Связной посмотрел на узкую щель между обломками.

— Тут короче.

— Нам шире надо.

Пришлось идти иначе. Дорога прибавила несколько десятков шагов, зато по ней действительно можно было нести человека. Я мысленно отметил поворот, водосточную трубу, белый прямоугольник на стене. Чужая память не подсказывала ничего. Запоминать требовалось самому.

Чурилин шёл рядом и то и дело оглядывался.

— Если отсюда снимать, — сказал он, — камера должна вон там стоять.

— Под ноги смотри, оператор, — сказал Лаптев.

Семён перешагнул проволоку.

— Ты в кино работал? — спросил я.

— Помощником. На аппарате. Это пока. Потом можно и дальше.

Он сразу оживился. Хотелось спросить ещё что-нибудь обычное, но я не знал, что уже должен был помнить о нём.

У нужного дома мы остановились.

Верхний этаж пострадал, нижние стены выглядели целыми. Вход во двор был достаточно широким. Слева под окнами лежала гора досок, справа тянулась полоса земли, где ещё угадывались грядки. В углу стояла бочка.

— Здесь, — сказал связной.

Лаптев первым подошёл к двери вниз. Проверил ступеньку носком сапога, нагнулся под низкой перемычкой.

Из темноты сразу донеслось:

— Опять чего?

Он выпрямился и посмотрел на меня.

Я подошёл.

Лестница была узкой, с поворотом. Внизу горела коптилка. Её свет выхватывал край стола, чей-то локоть, мешок с торчащей соломой. Пахло людьми, сыростью и варёной крупой.

На ступеньку вышел пожилой мужчина в расстёгнутой жилетке. В руке у него была короткая палка. Не оружие — скорее обломок ножки, которым он только что что-то поддевал.

— Нам сказали здесь разместить медицинский пункт, — произнёс я.

— Кто сказал?

Связной назвал должность и фамилию. Мужчина не посторонился.

— А с нами кто говорил?

Я посмотрел мимо его плеча.

Подвал был занят. Люди сидели вдоль стены, стояли сундуки, лежали узлы. Женщина держала ребёнка, уткнувшегося лицом ей в шею. В глубине кто-то кашлял. На верёвке сушилась мокрая тряпка.

Связной шагнул вперёд.

— Приказано же...

— Погоди, — сказал я.

Он замолчал.

Мужчина с палкой перевёл взгляд на мою сумку.

— Вы доктор?

— Да.

— Ну так проходите. Только у нас тут люди.

Я посмотрел на Лаптева. Тот молча снял пилотку, чтобы не цеплять перемычку, и отступил, пропуская меня первым.

Я спустился на одну ступеньку.

— Вижу, — сказал я. — Давайте разберёмся.

Глава 3

У последней ступеньки я остановился.

Места в подвале было много. Если убрать людей и вещи, получался почти хороший пункт. Рабочий стол у дальней стены, рядом укладки, лежащие вдоль стен. Посередине проход.

Я уже расставил всё мысленно, когда пожилой мужчина спросил:

— У вас раненых много?

— Пока немного. Будут ещё.

— А ходить они как станут?

Я оглянулся на лестницу.

Спуск был с поворотом. Длинные носилки сюда входили плохо. Лаптев, остававшийся наверху, смотрел вниз и ждал, когда я замечу это сам.

— Второй вход есть? — спросил я.

— Был. Где дворницкая, с торца. Там сейчас завалено.

Мужчина представился Григорием Лукичом Буровым. Прежде жил наверху, работал на заводе, теперь следил за домом, потому что больше было некому. Пока говорил, поднял с пола осколок стекла и положил на выступ в стене. Даже сейчас не хотел, чтобы кто-нибудь наступил.

— Носилки сюда пробовали вносить? — спросил я.

— Вчера женщину спускали. Только на одеяле. У неё ноги целые, а сама совсем плохая была. Пришлось вдвоём под мышки брать.

Лаптев спустился боком, придерживаясь ладонью за стену.

— Если вот этот угол снять, — сказал он, — обычные ещё повернём. Только ручки придётся вверх задирать.

Он показал на старый шкаф, перегораживавший нижнюю площадку.

— Шкаф уберём, — ответил Буров. — Стену не снимете.

— Стену я и не просил.

— А глядите на неё с намерением.

В глубине подвала засмеялись. Смех был усталый и быстро перешёл в кашель.

Я подошёл к столу. Поставил на него ладонь: доска толстая, опоры крепкие. Удачная находка. Потом наклонился, заглядывая в боковую комнату.

Там стояла железная печурка. Труба уходила через стену. Рядом — связка щепы и ведро с золой.

— Это разжигать нельзя, — сказал Буров.

— Почему?

— Трубу сверху перебило. Вчера затопили — сами чуть не угорели. Пока холодная, тяга будто есть, а огонь разведёшь, сюда всё идёт.

Я снова посмотрел на комнату. Именно туда минуту назад собирался поставить нагревать воду. Отдельно от раненых, удобно, рядом стол.

— Наверху что осталось?

— Кухня в задней части. Печь целая. Если через двор пройти, попадёте.

Я пошёл за ним. На кухне уцелела печь, но вода в кране не шла. Буров объяснил, где колонка: недалеко, только придётся стоять в очереди.

Список необходимого разрастался. Свет, вода, топливо, проход для носилок. И ещё нужно было куда-то деть людей, которых я в первой же мысленной расстановке превратил в пустое место.

Я вернулся вниз.

Женщина с ребёнком следила за мной настороженно. Мальчик уже проснулся и молча тянул край её платка. Рядом сидел старик, положив на колени обе ладони, как школьник перед учителем.

— Сколько вас здесь? — спросил я.

Ответили трое сразу. Одни считали только тех, кто ночевал, другие добавляли ушедших за водой, третьи напоминали про соседей, которые могли ещё вернуться.

— Куда нам? — спросила женщина.

Я не стал говорить, что пока не знаю.

— Сначала посмотрим, где ещё можно укрыться. Пока ничего не выносите.

— Уже выносят, — сказала она.

Я обернулся.

Чурилин поднимал сундук за одну ручку. Буров держал другую и объяснял, что за ручки нельзя: дно останется на месте.

— Поставьте пока, — сказал я.

Со ступенек донёсся сердитый женский голос:

— А это зачем наружу?

В дверях появилась девушка с узлом под мышкой. Невысокая, в выцветшем платье, с прядью волос, прилипшей к щеке. На левой ноге туфля была обвязана тесёмкой.

— Я велел остановиться, — сказал я.

Она посмотрела на сундук, потом на меня.

— Его во двор нельзя. Там фотографии и бумаги. Крыши-то нет.

— Мы пока только... — начал Чурилин.

— Я вижу, что вы пока только. А придёшь — лежит всё в грязи.

— Варя, — сказал Буров. — Не кричи.

— Я не кричу.

Она кричала. Потом заметила женщину с ребёнком и понизила голос.

— Антонина Петровна, ваши сапоги у Лукича наверху. Я принесла.

Из узла показались маленькие сапоги. Девушка положила их возле женщины, придерживала ребёнка, пока та поправляла платок. И лишь после этого снова повернулась ко мне.

— Что вы здесь делать будете?

— Помогать раненым.

— А мы, по-вашему, мешаем?

— Пока мы друг другу незнакомы. Давайте начнём с этого. Михаил Андреевич.

— Варвара Климова.

Она не подала руки. Обе у неё были заняты узлом.

— Варвара, мне нужно понять, кому принадлежат вещи и куда их можно перенести. Не выбросить. Перенести.

— Я здесь не за всех.

— Тогда за тех, кого знаете.

Она посмотрела на Бурова. Тот кивнул.

— Сундук этот Лидии Ивановны. С ней вчера племянник приходил, обещал помочь. А буфет пустой. Только полка сверху чужая.

Я слушал. Воображаемый пустой подвал постепенно превращался обратно в чужой дом.

* * *

Мы вышли во двор, чтобы поговорить без слушателей.

Свободного подвала Варя не знала. Зато из прачечной вчера ушла часть людей. Возможно, там согласятся потесниться.

Буров потёр щетину.

— Они место-то освободили, а кто остался, того спросить забыли.

— Значит, спросим, — сказал я.

Нужно было отправить кого-то проверять. Связного я пока задержал: он единственный знал, кто именно выбрал для нас подвал, и мог найти этого человека. Лаптев был нужен на переносе. Чурилина можно было послать, но он не знал местных.

— Я схожу, — сказала Варя. — Лидию Ивановну всё равно искать.

— Семён пойдёт с вами. Узнаете, сколько места и какой подход. Ничего не обещайте за меня.

— И за меня тоже, — сказала она.

Семён открыл было рот, потом решил, что лучше идти молча.

На выходе они едва не столкнулись с коренастым командиром. Тот придержал девушку за плечо, пропустил и посмотрел на меня.

— Ракитин?

Я кивнул.

Лицо оказалось знакомым, но имя не пришло. Оставалось ждать, не задавая лишних вопросов.

— Сивцов. Где старший?

— Эвакуирован. Ранение ноги, потеря крови. Уехал живым.

Командир на мгновение опустил взгляд. Потом заглянул мне за спину.

— Здесь, значит, будете.

— Если устроимся.

— Устраивайтесь. У меня люди ждут. С утра передать некуда.

Он говорил громче, чем требовалось. Когда я ответил, чуть повернул ко мне голову, подставляя левое ухо.

— Принимать начнём, как только доставим укладки и подготовим место.

— Сколько тебе надо?

Я едва не назвал время. Час. Полтора. Срок из воздуха, который потом превратился бы в обвинение.

— Сейчас нужны люди на перенос и вода. Ещё необходимо переселить гражданских. Без другого укрытия я их во двор не выставлю.

— Я тебе подвал не выбирал.

— Понимаю. Но раненых понесут сюда.

Он внимательно посмотрел на меня.

— И сколько людей?

— Четверо на имущество и подготовку. Носильщиков от переноса не отрываем.

— Четверо. Потом ещё четверо. У меня отделения меньше становятся, а тебе всё на хозяйство.

— Двое сейчас перенесут ящик и укладки. Двое принесут воду и помогут с лестницей. Потом всех, кроме носильщиков, верну. Постоянно они мне пока не нужны.

Это был самый короткий список, на который я мог согласиться. Остальные желания оставил при себе: лампы, керосин, дополнительные носилки, запас белья.

Сивцов протянул руку к своей сумке, достал сложенный листок.

— Вот сюда должны передавать дальше. С Бекетовым разберёшься.

Я взял листок.

— А люди?

— Двое с вами сейчас. Ещё двоих пришлю, если сниму. Ведра найдёте?

— Найдём, — ответил Буров за моей спиной.

— За воду отвечаешь?

— Я за ведра отвечаю. Колонку вы мне не подчиняли.

Сивцов посмотрел на него и впервые чуть усмехнулся.

— Хорошо. Связного моего куда дели?

Тот вышел из-за Лаптева.

— Здесь.

— Покажешь, где люди размещены. Потом обратно. Доктор, как развернётесь, доложишь. И если боец ходит, это ещё не значит, что ему здесь жить можно.

— Посмотрю каждого.

— Вот и посмотри.

Он ушёл, не добавив ни одного лишнего человека к обещанным двум. Лаптев проводил его взглядом.

— Четверых надо было просить на два дня, — сказал он. — Тогда двоих дали бы до вечера.

— А ты почему молчал?

— Вы разговаривали.

В голосе было достаточно учтивости, чтобы я вспомнил Бекетова.

* * *

Первые два бойца пришли со связным. Один представился Ильёй Солодовым; второй предупредил, что больше часа не пробудет.

— Начнём с того, что успеем, — сказал Лаптев и увёл их за имуществом.

Буров достал два ведра, велел не путать: одно для воды, второе хозяйственное, залатано и течёт.

Я остался расчищать место у стола.

Я поднял узел: кофта, жестяная коробка, завёрнутая в ткань ложка. Поставил на сундук. За каждой вещью стоял человек, который собирался вернуться.

Мальчик у стены спросил мать, будет ли здесь больница. Та ответила, чтобы сидел тихо.

— Не больница, — сказал я. — Здесь будут перевязывать и отправлять дальше.

— А уколы?

— Иногда.

Он спрятал лицо у матери под рукой.

За столом лежала стопка тетрадей. Верхние отсырели, края распухли. Я поднял их, открыл первую. Цифры, линии, выцветшие чернила. Старая учебная работа. Рядом уже стояла корзина с обломками для растопки.

Я положил тетради на край корзины — не внутрь, но этого оказалось достаточно.

— Это моё, — сказала Варя.

Она вернулась тихо, я не услышал шагов.

— Я хотел убрать со стола.

— Убрали.

Она взяла стопку, вытащила из середины тонкую тетрадь в синей обложке и отряхнула её ладонью. На развороте были аккуратные чертежи, сделанные другой рукой, чем торопливые цифры сверху.

— В техникуме училась? — спросил я.

— Учусь.

Я кивнул.

— Положите, где не намочит. Здесь стол нужен.

— Я поняла с первого раза.

Она сунула тетрадь за пояс под узел и только потом сообщила о прачечной. Место было, но тесное. Две женщины согласились принять соседей, если те принесут свои подстилки. Лидию Ивановну нашли: она ждала племянника в соседнем дворе и боялась уходить, чтобы разминуться.

— Сундук ей сами поможем, — сказала Варя. — Только не за ручки.

— Уже объяснили, — отозвался Чурилин.

Он стоял на ступеньках с двумя пустыми мешками и старался смотреть куда угодно, кроме её туфли с тесёмкой.

Я попросил Бурова сходить с ними и проверить укрытие. Он покачал головой: сначала надо убрать шкаф, иначе наши укладки останутся на лестнице.

— Проверю я, — сказал я.

Варя не стала возражать. Мы прошли через два двора. Я посмотрел спуск, стены, выход, поговорил с женщинами. Прачечная была не лучше нашего подвала, но обитаема, и путь к ней не требовал пересекать открытую улицу. Женщина с ребёнком могла пройти сама. Старика предстояло поддержать.

Обратно с нами пошла одна из хозяек — сама объяснить, где размещаться, чтобы не заняли проход.

Собирались долго. Искали второй ботинок, завязывали узлы. Варя взяла мальчика за руку и увела с матерью. Я помог старику подняться. Его ладонь была горячая, сухая; на лестнице он тяжело дышал. Сегодня уже дважды выходил и оба раза возвращался — некуда было идти.

Мы передали их у входа в прачечную. До нового места было меньше сотни шагов. Старику они дались тяжелее, чем мне весь путь с Лаптевым. Я подождал, пока дыхание выровняется, и только потом ушёл.

* * *

Когда я вернулся, на лестнице стоял железный ящик.

Именно стоял. Перенести его вниз пока не получалось.

Лаптев и Буров вытащили шкаф, но нижняя створка двери открывалась не полностью: внизу мешал деревянный упор. Буров держал его в руке и доказывал, что выбивать не следовало, можно было вынуть гвоздь.

— Мы вынули, — сказал Лаптев.

— Вместе с половиной дерева.

— Будет вам новая половина.

— Из чего?

— Из этой же. Прибьём с другой стороны.

Я обошёл ящик и увидел Зорину.

Она осматривала стол. Бекетов раскладывал бумаги на подоконном выступе. У стены сидели наши оставшиеся раненные; двое санитаров ещё находились с ними. Никто не ждал, пока я лично разрешу войти.

— Сколько воды? — спросила Зорина.

— Несут.

— Это я слышала. Для работы когда будет?

Я посмотрел на лестницу. Илья поднимался с пустыми вёдрами: первый запас уже отнёс на кухню. Я этого не знал.

— На кухне, — сказал он.

— Анна Ефимовна, печь исправная, проверили с хозяином. Воду пока кипятить там. Подвальную печь не разжигать, дымоход повреждён.

Она посмотрела на боковую комнату, куда уже успела поставить пустой таз.

— Тогда там только склад. И ходить далеко.

— Да.

— Значит, помощник на воду нужен отдельно. Я с этим бегать не стану.

Я уже собирался сказать, что помощников нет. Потом вспомнил Варю. Она возвратилась вслед за мной и сейчас завязывала на сундуке порванную верёвку.

— Варвара, сможете показать человеку дорогу от кухни? Где ставить чистое, объяснит Анна Ефимовна.

— Смогу. Только потом за сундуком приду.

— Договорились.

Зорина открыла укладку.

— Руки сначала вымойте. И этот таз не трогайте, он для другого.

Варя поставила узел у стены и пошла за ней. Они обошлись без знакомства по всей форме, и я не стал им мешать.

За железным ящиком показался Бекетов.

— Где ждать носильщикам? — спросил он.

Я показал на свободное место у стола.

— Здесь.

Лаптев посмотрел туда, потом на меня.

— Они у вас через стену выйдут?

Я представил носилки на полу. Между их ручкой и ножкой стола оставалось место одному человеку боком. С раненым — уже не пройти.

— Стол переставить вдоль.

— Тогда к нему с той стороны не подойти, — сказала Зорина.

Я обошёл стол, встал с другой стороны. Света здесь было меньше, зато путь от входа освобождался.

— Отодвинем от стены. Укладку на ящик. Ожидание в дальней половине, ближнюю не занимать.

— Дальняя сырая, — напомнил Буров.

— Подстилки поднимем на доски. Где самые мокрые места, покажете.

Моя первая красивая расстановка исчезла окончательно. Получилась кривая, неудобная для взгляда, но хотя бы проходимая.

Я попросил Лаптева принести пустые носилки. Они с Чурилиным внесли их, повернули, поставили к столу и попробовали выйти с другим комплектом навстречу. У поворота всё равно мешал сундук.

— Этот уйдёт, — сказала Варя. — За ним уже идут.

— До этого здесь больше ничего не ставить, — сказал я.

Бекетов кивнул и мелом отметил на кирпиче границу прохода.

Затем мы осмотрели второй выход.

За дверью в боковой комнате был короткий коридор. В конце громоздились доски, угольные мешки и опрокинутая тележка. Сквозь щель тянуло наружным воздухом. Буров показал, где наверху деревянный щит, закрывавший старый спуск.

— Если расчистить, будет прямее, — сказал Лаптев. — Только там ещё ступени посмотреть надо.

— Сегодня, — ответил я.

Бекетов повернулся.

— Сегодня надо воду, место и связь. У нас ещё люди на осмотре.

— Это тоже место, — сказал Лаптев.

— А разбирать кто будет?

Лаптев посмотрел на бойца, который обещал уйти через час. Тот ответил взглядом, не оставлявшим никаких сомнений.

— Час прошёл, — сказал он.

— Знаю, — ответил я. — Ещё ящик спустите, и можете идти.

Бекетов уже хотел возразить. Я остановил его рукой.

— Обещали отпустить. Отпустим. Выход пока только освободить до двери, чтобы не ставили сюда новое. Дальше займёмся, когда сможем.

Лаптев не согласился, но спорить не стал. Вместе с бойцом он взялся за ящик.

Я подошёл к Бурову.

— Щит снаружи не трогайте до проверки ступеней. И скажите соседям, что вещи там временно нельзя складывать.

— Скажу. Только они ко мне с ними придут.

Он был прав. Простого решения здесь не существовало даже для кучки досок.

* * *

Сивцов прислал ещё одного человека вместо двух.

Тот принёс фонарь и сообщил, что второго задержали на другой работе. Фонарь был без стекла с одной стороны, зато горел. Зорина взяла его, осмотрела, попросила поставить повыше и не вешать прямо над столом: с него капало.

Я написал короткое сообщение старшей медицинской службе. Указал новое место, выбытие старшего, состав оставшихся и самое необходимое. Бекетов прочёл, добавил количество отправленных и фамилию сопровождавшего. Мне пришлось освободить для этого ещё две строки.

Связной ушёл с бумагой. Пока это была вся наша связь.

В подвале посвободнело. Сундук наконец унесли, мокрые тряпки сняли. Буров принёс доски для настила и велел не брать две длинные: они поддерживали дверь наверху. Чурилин провёл ладонью по одной, проверяя занозы.

Я сел на край ящика. Голова ныла глухо, вместе с затылком и шеей. Бекетов принёс кружку тёплой воды, осмотрел зрачки, спросил, не двоится ли.

Всё, что я узнал за день сам, держалось в памяти. Здешнее прошлое не возвращалось. Фельдшер выслушал и спросил:

— Работать сможете?

— Сейчас смогу. Потом нужно поспать.

— Вот это запомним.

Варя прошла мимо с пустым ведром. Буров остановил её и спросил, вернулась ли мать. Она ответила, что мать ушла с эвакуацией, и сразу поинтересовалась, куда он дел маленькую кастрюлю. Он показал.

Больше о матери она ничего не сказала.

Я допил воду, поднялся и пошёл к раненым. Одного после повторного осмотра можно было передать дальше с ближайшей группой ходячих. Второй требовал ещё наблюдения. Бекетов записал решение. Это заняло несколько минут, за которые двор успел снова наполниться голосами.

Лаптев, стоявший у входа, поднял руку.

Я оглянулся на стол. Покрытие ещё не закреплено, вода на кухне, лампа в руках Зориной. Чурилин выметает мусор в углу.

На лестнице застучали сапоги.

— Куда ставить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.